

**ПРОВЕДЕНИЕ ТАЙНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ГРУЗИИ КАК АЛЬТЕРНАТИВА
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫМ МЕРОПРИЯТИЯМ,
ОГРАНИЧИВАЮЩИМ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН**

В науке и правоприменительной практике остается дискуссионным вопрос использования в уголовно-процессуальном доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. От его решения зависит эффективность уголовно-правовой политики в области процессуального производства. Существенное влияние на решение рассматриваемой проблемы оказывает в данном направлении опыт правовой регламентации наших коллег из ближнего зарубежья.

В частности, в уголовно-процессуальном законе Грузии были закреплены тайные следственные действия (гл. XVI Уголовно-процессуального кодекса Грузии¹ (УПК Грузии)), тем самым значительно отойдя от советской теории доказательств, но не отказавшись от нее полностью.

В соответствии со ст. 141 УПК Грузии были закреплены следующие тайные следственные действия: скрытое прослушивание и запись телефонной коммуникации; снятие и фиксация информации с канала связи (путем подсоединения к средствам связи, компьютерным сетям, линейным коммуникациям и станционной аппаратуре), с компьютерной системы (как непосредственно, так и дистанционно) и установка с указанной целью в компьютерную систему средств соответствующего программного обеспечения; определение геолокации в реальном времени; контроль почтовых отправлений и телеграфных сообщений (кроме дипломатической почты); скрытая видеозапись или (и) аудиозапись, фотосъемка; электронное слежение при помощи технических средств, использование которых не причиняет вреда жизни, здоровью людей и окружающей среде.

Следует отметить, что доказательственное положение информации, полученной в ходе производства тайных следственных действий, не имеет никаких преимуществ перед информацией, полученной при проведении иных следственных действий. В отличие от Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь уголовно-процессуальное законо-

¹ В статье использован неофициальный машинный перевод законодательных актов Грузии.

дательство Грузии не оперирует понятием «источники доказательств», однако использует его в отдельных формулировках.

В соответствии с п. 23 ст. 3 УПК Грузии под доказательствами понимается «информация, представленная в суд в установленном законом порядке, содержащая эту информацию предметы, документы, вещества или иные объекты, на основе которых стороны в суде подтверждают или отрицают факты, дают им правовую оценку, выполняют обязанности, защищают свои права и законные интересы, а суд устанавливает наличие или отсутствие факта или деяния, ввиду которого осуществляется уголовный процесс, совершение или несовершение этого деяния определенным лицом, его виновность либо невиновность, а также обстоятельства, влияющие на характер и степень ответственности обвиняемого, характеризующие его личность. Документ – доказательство, если он содержит сведения, необходимые для установления фактических и правовых обстоятельств уголовного дела. Документом считается любой источник, в котором информация запечатлена в словесно-знаковой форме или (и) в виде фото-, кино-, видео-, звуко- или иной записи, либо с применением других технических средств».

В свою очередь в соответствии со ст. 7 Закона Грузии «Об оперативно-розыскной деятельности» к оперативно-розыскным мероприятиям относятся: опрос лица, наведение справок, визуальный контроль, контрольная закупка, контролируемая поставка, исследование предметов и документов, идентификация (отождествление) лица, цензура корреспонденции задержанного, содержащегося под стражей и осужденного, получение идентификационных данных электронной коммуникации, внедрение в установленном порядке секретного сотрудника и оперативного сотрудника в преступную группу, создание в установленном порядке конспиративной организации, мониторинг отношений по сети Интернет.

Вместе с тем, анализ содержательной части процессуальных норм показывает, что тайные следственные действия есть не что иное, как оперативно-розыскные мероприятия, ограничивающие конституционные права граждан, обличенные в процессуальную форму. Именно такой порядок осуществления оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, во многом определяется Законом Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности».

Например, скрытое прослушивание и запись телефонной коммуникации; снятие и фиксация информации с канала связи (путем подсоединения к средствам связи, компьютерным сетям, линейным коммуникациям и станционной аппаратуре), с компьютерной системы (как непо-

средственно, так и дистанционно) и инсталляция с указанной целью в компьютерную систему средств соответствующего программного обеспечения соответствует в Республике Беларусь оперативно-розыскному мероприятию «контроль в сетях электросвязи»; контроль почтовых отправлений и телеграфных сообщений (кроме дипломатической почты) – «контроль почтовых сообщений»; скрытая видеозапись или (и) аудиозапись, фотосъемка – «слуховой контроль».

Такой подход вызывает ряд вопросов. В частности, каким образом осуществляется борьба с организованной преступностью, коррупционными преступлениями, терроризмом, преступлениями в сфере высоких технологий? Такие преступления, как правило, глубоко законспирированы и для их выявления необходим специальный оперативно-розыскной инструментарий в виде оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан. Например, скрытое прослушивание и запись телефонных переговоров, снятие и фиксация информации с технических каналов связи, скрытая видеозапись или аудиозапись. Закон Грузии «Об оперативно-розыскной деятельности» не позволяет проводить такие оперативно-розыскные мероприятия, а тайные следственные действия можно осуществлять только после регистрации преступления. Такой подход, по-видимому, снижает эффективность оперативно-розыскной деятельности и возможно создает предпосылки для безосновательного возбуждения процедуры расследования. Косвенным подтверждением вышеизложенного является решение Конституционного суда Грузии № 2/2/1276 от 25 декабря 2020 г. о признании неконституционным и утратившим силу применительно к п. 7 ст. 31 Конституции Грузии 2018 г. нормативное содержание второго предложения в ч. 2 ст. 13 УПК Грузии, предусматривающее при вынесении обвинительного приговора использование в качестве доказательства показаний сотрудника правоохранительного органа, основанных на информации, полученной из оперативного источника («конфидент», «информатор») или предоставленной анонимным лицом. В соответствии со ст. 17 УПК Грузии допускается возможность предъявления обвинения лицу при наличии обоснованного предположения, что оно совершило преступление. Обвинение лица является исключительной прерогативой прокурора.

Таким образом, нецелесообразным видится введение института тайных следственных действий в уголовно-процессуальный закон Республики Беларусь, что может привести к ряду правовых и прикладных проблем в уголовно-процессуальном производстве и оперативно-розыскной деятельности.